

Борис и его невеста Евгения

Осенью 1929 года ко мне домой зашел секретарь РК ВЛКСМ товарищ Изюмов и сказал, что я мобилизован на хлебозаготовки, ввиду чего я должен завтра же быть в окружке в Актюбинске. Все дела с производством (работал помощником машиниста маневрового паровоза на станции Челкар) урегулировать он брал на себя. Тогда это было гораздо проще, чем сейчас: предприятие просто «ставилось в известность», и ему ничего не оставалось, как принимать сведения. В Актюбинске 23.10 нас разбили на бригады (я оказался бригадиром бригады в три человека, из которых Сергеев, мягкий парень старше меня, был кандидатом партии, а второй был комсомолец, как и я), сказали, как и куда ехать, сделали нам инструктивный доклад и отправили к месту работы.

Пунктом нашего назначения (куда мы прибыли 25.10) был Чилим Чингирлауского района Актюбинского округа. Мы долго мотались по темным комнатам РИКа, пока наконец не получили деньги и удостоверения и не отправились за семьдесят километров: я в село Лубянка в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам сельсовета, а мои собригадники — в Отрадное и Петровское, посел-

ки, входившие в состав сельсовета. Приехали туда с попутчиками 28.10.

В Лубянке у меня был предшественник, некто Филиппов, о котором мне в РИКе говорили как об опытном и энергичном работнике, перебрасываемом на другой сельсовет ввиду прибытия нашего «пополнения». Первый вопрос после знакомства был, естественно: «Как идут хлебозаготовки?» Он ответил, что заготовлено что-то около 80 процентов плана и что, дескать, «надо попробовать: может быть, удастся».

Вот тебе и на. Это говорит опытный энергичный работник. Что же смогу сделать я? Ведь я не только никогда не «заготавливал», но и вообще, проведя почти всю свою жизнь в городе, имел очень смутное понятие о сельском хозяйстве. Да и общественной-то работой (я имею в виду искусство организации и руководства массой) я начал заниматься только в Челкаре и по существу не имел в этом отношении твердых навыков. Кстати, и помощников в сельском активе я себе не видел. Председатель сельсовета Волошин был недавно выдвинут на эту должность как демобилизованный красноармеец, опыта также не имел, да и силой характера не отличался. Мямлить любил и не-

решительностью обладал в большей степени, чем это требовалось. Секретарь сельсовета впоследствии сам был причислен к кулакам, предколхоза Шугай желал делать только свои собственные колхозные дела.

Немудрено, что я на первых порах совсем растерялся. Хлеб почему-то не везут. Что надо делать, чтобы его везли, — не знаю. Выйду, бывало, за околицу, сяду на бугорок, кругом пустынно и незнакомо — тоска берет. Убежать, что ли? Куда? Да и толк какой? Нет уж, видно, буду сидеть, пока сами не догадаются, что у меня с этим делом ничего не получится, и не освободят меня. Но никто не «догадывался», я продолжал оставаться тов. уполномоченным, от которого все, в том числе и жители села, ждали каких-то действий и поступков.

И пришлось действовать. Вызывал кулаков и требовал выполнения плана, а они отвечали, что «хлеба нема». Сельсовет был населен переселенцами из Украины. Прочитал несколько книжек и брошюр по вопросам сельскохозяйственной политики и несколько просветился на этот счет.

Приехал подрайонный уполномоченный Ермаков — рыжеватый курносый энергичный парень лет двадцати пяти. Он отличался известным легкомыслием (его женитьба на дочери кулака), не был слишком силен в политике, но если имел перед собой понятную конкретную задачу, то мог взбодражить людей. Мне он рекомендовал более решительные действия, хотя эти рекомендации особой конкретностью и не отличались. Так, было высказано предположение, что скоро, наверное, злостных неслатчииков хлеба будут судить. Слух об этом, конечно, преувеличенный и разукрашенный, быстро разнесся по селу, а мне пришло в голову использовать его в своих целях следующим образом. Заготовив доску с обозначением фамилий и процентов выполнения плана сдачи хлеба кулаками и зажиточными, я сами фамилии расположил в порядке выполнения. Фамилии и проценты выполнения писались и вставлялись на доску. Полуофициально я заявлял кое-кому, что уж если будут судить, то в первую очередь тех, кто на моей доске находится внизу, то есть имеет самый низкий процент выполнения плана.

И вот мои кулаки начали «соревноваться». Очутится такой дядько внизу, почухает затылицу: «Как бы в самом деле не засудили, собачьи дети». И везет с десяток пудов на ссыпункт и потом сам приходит и следит, чтобы тов. уполномоченный его повыше повесил, а заодно жалуется, что последние крохи вывез, что детишкам голодать придется и т. д. Ермаков пересмотрел, между прочим, списки кулаков, и туда неожиданно попал секретарь

сельсовета, занявший эту должность благодаря своей грамотности. Из секретарей его, конечно, вывели. Ермаков же ввел у нас «общественный» бойкот, который заключался главным образом в том, что злостным неслатчиикам в Потребобществе не продавали товары, а их ребят не пускали в клуб. Мера оказалась чувствительной. Этот бывший секретарь, например, приходил ко мне плакаться: «Ну что же это, товарищ уполномоченный? Вот вы человек образованный и понимаете, я тоже человек грамотный, а тут в потребиловке гасу (керосин) не дают». — «Выполни план — дадут». — «Да где ж это я сто пудов возьму? Я и всего столько не имею, хоть все под метлу вымети». На этом разговор и оканчивался. А хлеб он все же не вез и долго висел у меня в самом низу, портя мне все «соревнование».

Хуже было разговаривать с женщинами. Одна такая кулачка пришла в сельсовет одетая в какие-то лохмотья и ревела форменным образом, чуть в ногах не валялась, уверяя, что у нее дети хлеб пополам с мякиной едят, и умоляя хоть что-нибудь выдать из потребилки. Я сидел истуканом и старался думать о чем-нибудь постороннем, чтобы не расчувствоваться этим действительно жалким зрелищем. А противно мне потом было, поди, с целую неделю.

Так я начал свою деятельность, все больше узная и дело, и людей. И уже не столько по моему вызову, сколько по своей нужде являлись ко мне зажиточные, а это не могло не сказаться на хоть медленно, но продвигавшемся вперед выполнении плана. Я все время имел дело только с кулаками и зажиточными, так как середняков, насколько я помню, уже до меня обработал Филиппов. Да и задания у них были небольшие.

Жил я у числившегося в списках зажиточных молодого, может быть, года на два-три старше меня парня, Артемьева. Поместили меня к нему потому, что «парень смирный, прокормить уполномоченного сможет, а потом у него и безопаснее, поскольку кулаки поостерегутся подводить родственного им человека, да и сам Артемьев лучше будет следить за целостью товарища уполномоченного». Я не имел чего возразить, да и не знал, нужно ли возражать. Отношения у нас установились вполне сносные. С молодыми хозяевами они были дружественно-официальными. За стол и квартиру я платил, приходил только есть да спать. Поводов для «дружеских» взаимоотношений не было, да и для неприязни не больше. План он свой еще до меня выполнил процентов на восемьдесят и никогда у меня «внизу» не висел. Его мать пыталась наладить более близкие связи.

Жаловалась мне, заговаривала на общие темы политического характера, но времени ей для этого я предоставлял слишком мало, да и вообще предпочитал отделяться ничего не значащими фразами.

Наряду с хлебозаготовками я довольно много времени уделял самодеятельности. Причин для этого было несколько. Я это дело любил, имел определенные способности к драматическому искусству и музыке, свободное время я мог использовать только на это, поскольку литературы для чтения не было, а водку пить или девчат щупать у меня никогда особой склонности не было, хотя случаи к последнему подвергались. Дочь одного кулака Домаха, некрасивая, но здоровая и по-своему привлекательная деваха, неоднократно оказывала мне знаки внимания, а однажды так довольно энергично притиснула меня на сцене в углу. Использовать момент помешали, с одной стороны, идеологические соображения, а с другой — моя неопытность в делах «любви». А по части самодеятельности у меня чуть ли не со дня приезда установилась прочная репутация. Мы угадали на вечер самодеятельности, я прочитал раек, кажется, Лебедева-Кумача «Прочитаешь, граждане, в газете». Успех был потрясающий. Из села явилась целая делегация и от имени «стариков» просила повторить.

Что уж мы потом ставили, не помню. Запомнились только два эпизода. Как-то с Петром Николаевым, молодым счетоводом сельпо, мы устроили своеобразное состязание: он играл на мандолине, а я пел частушки. По условию, он после каждого куплета играл отыгрыш. Так он утомился и бросил скорее, чем я. Потом я подсчитал, что знаю около семидесяти частушек.

По случаю «Кровавого воскресенья» я организовал грандиозную инсценировку, в которой приняло участие чуть не все село. Утром, нарядившись попом Гапоном, я произнес перед собравшимися в закрытой церкви короткую, но соответствующую моей роли речь и возглавил демонстрацию, несущую хоругви и портрет царя. На досаду, мои «казаки» задерживались. Как истый «предатель», я смылся за своих пасомых, вскочил в первую попавшуюся под руки подводу и погнал на колхозный двор, где готовились мои «казаки», выгнал их и со стороны наблюдал, как с гиканьем, с холостыми выстрелами и шашками наголо мои «казаки» набросились на толпу. Толпа с визгом и смешками разбежалась, и на этом инсценировка благополучно закончилась.

Только при моей большой власти уполномоченного в соединении с моей мальчишеской са-

монадеянностью и почтенному сельских властей к товарищу уполномоченному стала возможной подобная инсценировка. Все, конечно, могло кончиться хуже. В инсценировке крестного хода толпа могла усмотреть богохульство, нападение «казаков» легко было использовать для провокационного выстрела, и т. д. Но все кончилось благополучно, а память об этом «спектакле» надолго осталась в памяти лубянцев. Говорят, что в этот момент местная банда кулаков проезжала понад речкой и, испугавшись выстрелов, свернула в сторону.

А хлебозаготовки шли своим чередом, и мы продолжали все туже подвинчивать гайки. Как-то с приездом Ермакова мы выкинули следующий номер. Собрали собрание «узкого» актива и решили двух кулаков для примера другим предать суду и просить их расстрелять, имущество конфисковать, а семьи сослать. Жертвами должны были стать Титаренко — высокий, с длинной узкой бородой, довольно смиренный мужчина — и... наш бывший секретарь сельсовета. Не помню уж, по какому случаю выбор пал на них, но уж красок на их очернение мы не пожалели. «Актив» послушно согласился.

Собрали собрание бедноты и там предложили проект решения о суде. После нескольких выступлений активистов собрание приняло решение единогласно. Тогда собрали общую сходку и объявили решение собрания бедноты, предупредив, что оно объявляется для сведения и никаких прений и голосований не будет. В клуб набилось чуть не все село, даже и кулакам велели в назидание прийти. Решение выслушали как приговор. Потом наступило молчание, никто не знал, что делать дальше. И вот поднимается «осужденный» высокий кулак (Титаренко, что ли?) и: «Вопрос можно?» Ермаков: «Да!» «Вот, например, если план выполнить, будут судить?» Хоть подобный случай ни на активе, ни на собрании бедноты не обсуждался, Ермаков отвечает: «Мы тогда, возможно, пересмотрим решение». Опять молчание. «Вопросов больше нет? Ну, тогда все, можно расходиться».

Мы прошли в сельсовет, и через полчаса туда прибегает Кравцов Петр, зав. ссыпунктом, секретарь комсомольской организации. «N (экс-секретарь сельсовета) хлеб привез. Все 100 пудов. А пшеничка-то какая — чистая кубанка». Ермаков, помнится, уже уехал, а я не утерпел и пошел на ссыпункт. «Ну как, нашелся хлеб?» — «Да ведь последний. Подчистую». «Давно бы так надо. Не довел бы до такого». В ответ угрюмое молчание.

Утром пришел Титаренко и начал прощупывать почву. Хлеба у него нет, «хоть обыщите сейчас», но вот если бы ему разрешили, так он съездил бы в одно место, купил бы хлеба и вывез сколько положено. «Последнее приходится распродавать», — вдруг спохватывается он. Мне нужен хлеб любым путем, и я, не особенно задумываясь, даю согласие на такую комбинацию. Едва ли он сбежит. Сделать он это мог и без моего разрешения еще раньше, да и семья его здесь остается. Думалось, что хлеб он нигде покупать не будет, а либо вынет его из дальней ямы, либо достанет спрятанный у знакомых, но, повторяю, хлеб мне нужен был любым способом. Через три дня Титаренко действительно привез весь причитающийся с него хлеб. Пример оказался заразительным, и впоследствии еще несколько кулаков ездило «куплять» хлеб. Выполнение плана сразу двинулось вперед.

Но были случаи и хуже. В Отрадном одного татарина обложили как кулака, хотя посева у него

было очень немного: имелись данные, что он вел в широких масштабах торговлю хлебом. Татарин упорно не хотел вывозить хлеб и даже пригрозил тамошнего члена сельсовета, пришедшего к нему с обыском, прирезать ножом. Решили татарина арестовать и отправить в РИК. Привезли его в Лубянку, посадили на ночь в клуб, а утром Волошин отправил его со смиренным середняком Котибой вдвоем на подводе. Едва они выехали за околицу, татарин вынул из-за голенища валенка бритву (так хорошо его обыскали) и спросил своего спутника: «Хочешь, я тебе горло перережу?» Тот и руками, и ногами замахал: «Что ты, что ты! Помилуй бог». «Ну так поворачивай обратно и смотри — жить хочешь, не поворачивайся. А я пойду куда надо». Котиба полуживой от страха и в то же время обрадованный, что у него хоть лошадь-то не отобрали, без дальнейших разговоров поспешил выполнить приказание. А татарин ушел в банду.

Продолжение следует.

